

Акад. А. И. Тюменев

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ

IV. Херсонес и местное население: скифы*

Иначе, нежели с таврами, складывались взаимоотношения Херсонеса со скифами. Несмотря на то, что скифы не были непосредственными соседями херсонесцев, как тавры (они были отделены от Херсонеса областью, занятой таврами), и по природным условиям сообщение с ними, как отмечалось выше, было затруднено, все же, так как они уже задолго до основания Херсонеса стояли на высшей ступени варварства, сношения Херсонеса с ними были более оживленными. Однако чаще всего на протяжении всего эллинистического периода взаимоотношения Херсонеса со скифами носили враждебный характер.

В ближайшее соприкосновение со скифами привели Херсонес не интересы торговли, но прежде всего забота о приобретении сельскохозяйственной базы для пропитания населения города, так как почвы Гераклейского полуострова пригодны были лишь для виноградных культур и местное зерновое хозяйство было слишком незначительно. Это обстоятельство и послужило прежде всего причиной проникновения херсонесцев в прибрежную область западного Крыма, сообщение с которой было более доступно как морем, так и вдоль береговой полосы. Опорными пунктами, занятыми Херсонесом на западном берегу, были, как известно, Керкини-тида, положение которой близ Евпатории теперь может считаться окончательно установленным, и Калос Лимен (современная Ак-Мечеть).

До самого недавнего времени территория, где находились оба эти опорных пункта внешних владений Херсонеса, оставалась совершенно неисследованной, и потому о размерах внешних владений Херсонеса высказывались самые различные, большей частью преувеличенные мнения¹. Результаты проведенного в 1933—1934 гг. под руководством

* См: ВДИ, 1949, № 4, стр. 75—86.

¹ Так, одно время существовало представление о том, будто «владения херсонитян в начале II в. до н. э. выходили на север далеко за пределы Таврического полуострова и шли вдоль Днепра (Борисфена), простираясь чуть не до порогов, и здесь, на границе поселения греков, херсонитяне вели торговлю с обитателями севера — россоланами и другими народами, стоявшими близко к скифам» (Е. Э. Иванов, Херсонес Таврический, Симферополь, 1912, стр. 16). Такое безответственное утверждение о распространении владений Херсонеса до Сиваша и «чуть ли не до порогов» повторяется и в популярной листовке К. Э. Гриневича, «Что такое Херсонес?», Севастополь, 1926, стр. 7; в изданной два года спустя брошюре «Херсонес. История — руины — музей», Севастополь, 1928, стр. 7, К. Э. Гриневич определяет границы владений Херсонеса более умеренно, хотя все же с сильным преувеличением, утверждая, что Херсонес «имел у себя в подчинении целую страну от Балаклавы до Ак-Мечети».

П. Н. Шульца обследования западного побережья Крымского полуострова в районе от Сакского озера до Ярлыгачского залива за Ак-Мечетью¹ показали, что все суждения о внешних владениях Херсонеса, даже более умеренные, сильно преувеличены. Уже из данных херсонесской присяги и фактов, сообщаемых в надписи в честь Диофанта, можно было заключить, насколько непрочны были внешние владения херсонесцев. При ближайшем обследовании евпаторийского района (района древней Керкинитиды) оказалось, что Херсонес в сущности никогда не владел западным побережьем Крыма на всем его протяжении, но лишь отдельными пунктами и соседней непосредственно примыкавшей к этим пунктам очень ограниченной территорией. Из греческих (или греко-скифских, как обозначает их П. Н. Шульц) городищ было обследовано четыре: Евпаторийское (Керкинитиды), занимавшее самую обширную площадь (400 × 250 м), Ак-Мечетское (Калос Лимен), размером 230 × 180 м, и два значительно меньшие городища — Караджинское (у западной оконечности Тарханкутского полуострова) (150 × 90 м) и Донузлакское (70 × 50 м). Эти последние городища, очевидно, и представляли собою те другие укрепления (τάλλα τείχη), которые упоминаются наряду с Керкинитидой и Калос Лименом в Херсонесской присяге и в надписи о военных действиях Диофанта.

Все греческие городища расположены были на берегу удобных для стоянки судов бухт. Все они обнесены были оборонительными стенами, забитыми бутом и облицованными, как и стены самого Херсонеса, хорошо отесанными квадратными каменными плитами («Арх. иссл. ...», стр. 268 сл.). Нижний культурный слой относится к IV—III вв. до н. э. и дает преобладающий античный материал и херсонесский импорт; второй слой, относящийся ко II в., содержит значительную примесь скифской керамики². Эти города возникли во второй половине IV в., тогда же были обнесены стенами и затем существовали до конца II в. до н. э., причем

Не меньшее преувеличение, хотя не в сторону севера, а в сторону востока, представляет и определение границ внешних владений Херсонеса в книге акад. Ю. В. Готье, *Очерки по истории материальной культуры восточной Европы*, Л., 1925, стр. 183, где он говорит: «В III и II веках до р. х. ... их (херсонесцев. — А. Т.) господство распространялось на западную часть полуострова, тогда как восточная тянула к босфорскому царству». Аналогичное утверждение о подчинении Херсонесу «всей западной части Крыма» находим и в путеводителе Г. Д. Белова, *Музей и раскопки Херсонеса, Севастополь*, 1936, стр. 27. В последней своей работе «Херсонес Таврический», стр. 56, Г. Д. Белов говорит, что «в конце IV—II вв. до н. э. Херсонесу принадлежала обширная территория: Гераклеяский полуостров и все западное побережье Крыма». Более осторожно высказывались другие исследователи. Так, Кацевалов признает вопрос о внешних владениях Херсонеса спорным («Нариси з історії економічного життя грецьких колоній на північному узбережжі Чорного моря», *Збірник законодавства всеукраїнської Академії Наук*, Київ, 1919, стр. 15). Акад. С. А. Жебелев, исходя из данных херсонесской присяги, признает, что Херсонесу принадлежало «западное побережье Крыма, по меньшей мере до Ак-Мечети» («Херсонесская присяга», *ИАН ООИ*, 1935, № 10, стр. 925), при этом он осторожно замечает: «значительная часть равнины все же принадлежала скифам-земледельцам. Как велика была эта часть, можно было бы определить лишь в результате систематически проведенного археологического обследования всей равнины, при котором важно было бы установить остатки греческих и скифских поселений» (там же, стр. 926).

¹ М. А. Наливкина, *Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации*, ПИДО, 1934, № 9—10, стр. 161—165; П. Н. Шульц, *О работах евпаторийской экспедиции*, СА, III (1937), стр. 252—254; отчеты о той же экспедиции см. *КСИИМК*, V (1940), стр. 71 сл.; «Археологические исследования в РСФСР 1934—36 гг. Краткие отчеты и сведения», М.—Л., 1941: «Евпаторийский район (П. Н. Шульц)», стр. 265—277; «Материалы к всесоюзному археологическому совещанию», под ред. акад. В. П. Потемкина, М.—Л., 1945, стр. 50.

² «Археологические исследования...», стр. 259. В тексте статьи местная керамика названа скифо-сарматской. Но теперь сам автор предпочитает обозначать ее как скифско-сарматской.

верхний слой носит следы пожара, что вполне соответствует данным надписи в честь Диофанта.

Выяснив, таким образом, место, характер и время существования греческих городов, обследование в то же время показало, что херсонесцы не являлись единственными обладателями западного побережья. Наряду с греческими городами в том же районе обнаружено было по крайней мере шесть скифских городищ (вклиненных между греческими городами) вблизи современных местечек Кара Тобе, Айрчи, Поповки и др. Расположены были эти скифские городища на расстоянии 6—15 км одно от другого, причем самое южное из них — Кара Тобе находилось к югу от Евпаторийского городища (Керкинитиды), отрезая его, таким образом, со стороны Херсонеса. Раскопки 1948 г. обнаружили существование на побережье еще ближе к Херсонесу (в устье р. Альмы) крупного, быть может, самого крупного после Неаполя, скифского городища (Хеbei?), окруженного мощным валом и рвом. Возникли эти скифские городища, судя по подъемному материалу, также в IV в., т. е. одновременно с греческими городами, причем, однако, они пережили эти последние, просуществовав до III—IV вв. н. э. Носили они, как и греческие города, отнюдь не характер мирных поселений; все они были обнесены стенами циклопического характера, сложенными из неотесанных камней, и имели, таким образом, прежде всего, повидимому, стратегическое назначение. В отличие от греческих городов, они расположены были в таких пунктах побережья, которые лишены бухт и были неудобны для причала судов, но в то же время, возвышаясь на холмообразных уступах, окаймленных балочками, они могли хорошо выполнять функции сторожевых постов. Возникнув одновременно, «обе системы (греческих и скифских городищ. — А. Т.) как бы противостоят одна другой» («Арх. иссл...», стр. 270). Таким образом, как видим, сухопутное сообщение даже с Керкинитидой и Калос Лименом было для Херсонеса затруднено. Херсонес не обладал полностью даже той частью западного побережья, где были расположены его опорные пункты, которые к тому же находились под постоянной угрозой со стороны скифов¹. Тревога, которая так явно сквозит в тексте херсонесской присяги, была, таким образом, вполне обоснованной.

Но если, таким образом, отношения со скифами в общем были неприязненными, то не всегда они носили открыто враждебный характер. Главной целью утверждения херсонесцев на западном побережье Крыма было получение «хлеба, вывозимого с равнины», как о том определенно свидетельствует текст присяги. Запрещение вывозить и продавать хлеб с равнины в какое-либо иное место, кроме Херсонеса, могло иметь в виду только одну цель — обеспечение населения Херсонеса хлебом. Часть хлеба при этом получалась путем непосредственной обработки земли самими гражданами Херсонеса или жителями Керкинитиды и Калос Лимена, на что определенно указывает факт сдачи государственных земель в аренду или на откуп, повидимому, на территории внешних владений Херсонеса². Во время раскопок 1917 г. в окрестностях

¹ Данные обследования евпаторийской экспедиции опровергают высказанное Л. Моисеевым («Из истории западного побережья Тавриды. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории», ИТУАК, 54 (1918) и поддержанное Н. В. Пятыхиной, как «вполне вероятное» («Тавры и Херсонес Таврический», стр. 67, 122), предположение, что херсонесцы завладели западным побережьем Крыма, «продвигая свое влияние на север и заселяя бухту за бухтой скорее всего путем договоров» (стр. 249), и что таким образом «получили всю равнину от скифов как бы на откуп» (стр. 254).

² IOSPE, I², № 403. Маловероятно, чтобы в этом документе шла речь о продаже, а не о сдаче земель.

Евпатории, на берегу Мойнакского озера, обнаружены были следы каких-то относящихся ко II в. и разрушенных в конце его хозяйственных построек типа усадеб в непосредственных окрестностях Херсонеса (ИТУАК, 54, стр. 250). Эти данные показывают, что окрестности Керкинитиды и Калос Лимена использовались херсонесцами под зерновые культуры.

Но не весь «хлеб с равнины» получался, однако, этим путем. Значительная и, быть может, большая часть получалась от местных скифов в обмен на херсонесское вино: скифы западного побережья были земледельцами, о чем свидетельствует большое число ям для хранения зерна, обнаруженных в скифских городищах («Арх. иссл...», стр. 274—275). О существовании обмена (вина на хлеб) свидетельствуют находки в скифских городищах, наряду с местной керамикой, значительного количества херсонесской керамики, служившей тарой для вина. С другой стороны, скифская керамика была найдена на территории греческих городищ, что свидетельствует о пребывании в греческих городах скифов; следует иметь, однако, в виду, что во II в. до н. э. греческие города некоторое время находились во власти скифских царей.

Взаимоотношения со скифами, повидимому, не ограничивались только отношениями обмена. Так, судя по отдельным не-греческим именам, несколько скифов названы в числе арендаторов государственных земель. Текст присяги содержит, между прочим, обязательство не отпадать и не предавать Херсонеса и его владений ни эллину, ни варвару, а также не открывать государственных тайн ни эллину, ни варвару, наконец, доводить до сведения властей об изменивших и отпавших гражданах. Все это говорит о каких-то возможностях соприкосновения и общения с варварами, т. е. прежде всего со скифами. Но если, таким образом, бывали случаи измены и «отпадения» со стороны отдельных херсонесцев, враждебных демократическому строю, то, вероятно, аналогичные случаи могли иметь место и со стороны отдельных скифов. Эти отдельные скифы могли поселиться в Херсонесе. Свидетельством этого, может быть, является единственный в окрестностях Херсонеса курган, заключавший в себе, повидимому, погребение какого-то видного скифа¹. Указание на этникон обычно видят в имени Скифа, отца дельфийского проксена Гимна²; следует, однако, иметь в виду, что имя Скифа часто встречается и в греческой метрополии; с этим именем известны несколько афинян и лакедемонян, как и граждан других городов³. В Херсонесе были, повидимому, и скифы, занимавшиеся гончарным ремеслом, о чем свидетельствуют клейма на амфорных ручках *σκυθικόν, σκῦθας Σαπόλιος*⁴.

Возвращаясь к вопросу о торговле со скифами, мы должны констатировать, что обменом вина на хлеб в ближайших скифских поселениях, дело, повидимому, и ограничивалось. В окрестностях Керкинитиды, вблизи от местных скифских городищ, встречается много курганов, относящихся частью к предшествовавшему времени, частью современных существованию Керкинитиды. Курганы эти в большинстве еще не были исследованы,

¹ А. Л. Бертъе-Делагард, Раскопки Херсонеса, МАР, 12 (1893), стр. 55, табл. II; ср. Н. В. Пятыйшев, Тавры и Херсонес Таврический, стр. 116 сл.; она же, Скифы и Херсонес, стр. 6.

² См. о нем Б. Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 249—250, под № 14.

³ Pape-Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig, 1911, стр. 1412 сл., sub nomine.

⁴ Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и черепицах Эрмитажного собрания П., 1917, стр. 104.

но пробные раскопки и обследования некоторых из них показывают бедность их инвентаря: из греческих вещей найдены лишь обломки амфор¹. Произведенное много ранее обследование кургана в окрестностях Евпатории точно так же не дало никакого показательного материала². Контраст с курганными погребениями в окрестностях Пантикапея в этом столетии бросается в глаза³.

Обмен Херсонеса со скифами, повидимому, не распространялся далее ближайших окрестностей Керкинитиды и Калос Лимена. В этом отношении характерно то обстоятельство, что, как показывают последние раскопки под руководством П. Н. Шульца⁴, столичный центр скифского государства Скилура и Палака — Неаполь связан был не с относительно близко расположенным Херсонесом, но со значительно более отдаленными Ольвией и Боспором. Связь Неаполя и скифского царства с Ольвией на основании нумизматического и эпиграфического материалов установлена была уже давно: известно было большое число чеканенных в Ольвии монет с именами скифских царей Скилура, Фарзоя и др. и одновременно с легендой Ольвии, из чего было сделано заключение о каких-то близких отношениях (повидимому, отношениях зависимости) Ольвии со скифскими царями⁵. О связи Неаполя с Ольвией свидетельствуют также и давно известные эпиграфические данные⁶. Характерно, что все без исключения надписи, найденные в Неаполе, свидетельствуют только о связях с Ольвией.

Результаты археологического обследования и раскопок, произведенных в 1945 и 1946 гг., дают возможность составить и более полное пред-

¹ П. Н. Шульц, СА, III, стр. 252; «Арх. иссл.», стр. 267 сл., 275 сл. Такой же бедный инвентарь обнаружен и в кургане в окрестностях Херсонеса.

² М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 396.

³ Случайные находки золотых вещей, например золотой бляшки в виде грифона, найденной в женском погребении в кургане близ Ак-Мечети (ОАК за 1882—1883 гг., стр. ХСІ; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, Русские древности, II, стр. 126, рис. 107 и 108; III, стр. 67), происходят, очевидно, с Боспора, поскольку эта бляшка обнаруживает сходство, доходящее почти до полного тождества, с вещами, найденными в Семибратских курганах на Таманском полуострове (см. М. И. Ростовцев, там же, стр. 400—401). Найденные в окрестностях Евпатории стелы с рельефным изображением отдыхающего Геракла, героя пользовавшегося особой популярностью среди скифов, представляют местные, а не привозные греческие произведения, см. М. А. Налывкина, О некоторых памятниках античной эпохи северо-западного Крыма, СА, VI (1940), стр. 107 сл.

⁴ См. КСИИМК, XXI (1947); ДАН, 1947, № 1; «Памятники искусства, Бюлл. МИИ им. А. С. Пушкина», № 2 (1947), стр. 21—36.

⁵ В. В. Латышев, О государственном строе города Ольвии, Пб., 1887, стр. 114—133. Там же приводится более ранняя литература вопроса и дается обстоятельный обзор нумизматических данных. Выводы, к которым приходит сам В. В. Латышев относительно отдельных царей и времени их правления, в настоящее время не могут быть признаны правильными. Вопрос о личности царей на чеканенных в Ольвии монетах был пересмотрен А. В. Орешниковым, ЗРАО, IV, стр. 14 сл.; ИС, III (1914), стр. 1—23; ИРАИМК, I (1921), стр. 225—232. А. В. Орешников не признает Фарзоя предшественником Скилура, как В. В. Латышев, но относит его ко времени на 200 лет позднее, т. е. ко второй половине I в. н. э.

⁶ Таковы, прежде всего, посвячительные надписи богам от имени нескольких ольвиополитов, найденные на территории Неаполя, в том числе посвячительные надписи Посидея, сына Посидея, Зевсу Аттабирскому (IOSPE, I², № 670), Афине Лийдийской (№ 671), Ахиллу, «владыке острова» (№ 672). Происхождение Посидея не указано, но на основании данных ольвийских надписей, в которых упоминается его имя, можно с несомненностью признать его ольвиополитом. Ольвиополитам же принадлежит и другой найденный в Неаполе фрагмент, повидимому, также посвячительной надписи, с собственными и патронимическими именами Ахиллея. Ходардза, Омсплака (IOSPE, I², № 669, и исправленное чтение ИРАИМК, I, 1921 г. стр. 18), обычными именно для Ольвии, где лица с этими именами часто занимали высшие городские должности. Из Неаполя же происходит, наконец, фрагмент еще одной надписи с посвящением «Ахиллу и другим богам» (IOSPE, I², № 673), причем факт посвящения Ахиллу типичен также для Ольвии.

ставление о внешних сношениях Неаполя. Керамика, свидетельствующая прежде всего о ввозе вина, происходит из самых различных центров виноделия — с Родоса, Книда, Коса, из Синопа, в меньшем количестве из Пантикапея и из Херсонеса (херсонесский импорт вина несколько увеличивается только в римскую эпоху)¹. Черепица получалась, главным образом, из Синопа². Встречаются флаконы-бальзамарии типа ольвийских — простые и краснолаковые³, мегарские чаши, чернолаковая аттичская посуда⁴, краснолаковая посуда малоазиатского происхождения⁵, статуэтки богини сирийско-финикийского круга, амулеты александрийского типа, в большом числе скарабей и бусы из египетской пасты, бусы финикийского литого стекла⁶. Исключительно обильным представляется импорт золотых ювелирных изделий из Боспора: в одном центральном (царском?) погребении насчитывается свыше 700 золотых изделий, частью скифской, но преимущественно боспорской работы⁷. В числе вещей встречаются золотые бляшки, клавшиеся на глаза и уста покойников, также преимущественно из Пантикапея (такие же бляшки встречаются и в Херсонесе, однако бляшки херсонесского типа с перемычкой наподобие очков в Неаполе не найдены)⁸.

Об импорте именно боспорских изделий свидетельствуют и данные раскопок курганов в окрестностях Симферополя. Произведенные Н. И. Веселовским в 1890 г. раскопки курганов Золотого и других соседних с ним, в 5 верстах от Симферополя, в направлении на Сарабуз, обнаружили относительно бедный инвентарь, состоящий преимущественно из бронзовых изделий, частью с накладным золотом, и некоторого количества золотых пуговиц (ОАК, 1890 и 1893). Вещи, найденные в Золотом кургане, происходят частью из Боспора, частью и из других греческих городов (Самос); поскольку же сам курган датируется рубежом VI и V вв., можно уже в это время, задолго до времени основания Херсонеса, говорить об импорте из Греции через Пантикапей. В 90-х гг. прошедшего столетия обследованы были и другие курганы крымской степи⁹. Отличаясь относительной бедностью своего инвентаря, все эти погребения как по преобладающему типу вещей (золотые бляшки на одежде), так и по специальному сходству отдельных предметов с вещами «курганов боспорского типа» и «Куль Обской культуры» указывают также прежде всего на связь с Боспором¹⁰. Мы видели, что торговое влияние Боспора распространялось и далее на запад вплоть до окрестностей Ак-Мечети.

Возвращаясь к данным раскопок Неаполя, мы можем констатировать на основании этих данных, что связь с Боспором не ограничивалась им-

¹ КСИИМК, XXI, стр. 18; «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 23; «Сов. Крым», 5, стр. 43;

² КСИИМК, XXI, стр. 18—19.

³ КСИИМК, XXI, стр. 25; «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 34; ср. Б. В. Фармаковский, Раскопки некрополя древней Ольвии, ИАК. VIII (1903), табл. V, № 36.

⁴ П. Н. Шульц, «Сов. Крым», 2, стр. 105.

⁵ П. Н. Шульц, «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 23.

⁶ КСИИМК, XXI, стр. 30—31; П. Н. Шульц, «Сов. Крым», 5, стр. 54.

⁷ КСИИМК, XXI, стр. 20; «Сов. Крым», 5, стр. 54; «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 33.

⁸ КСИИМК, XXI, стр. 25; «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 34.

⁹ См. ОАК за 1890, 1891, 1892, 1895, 1897 гг. и сводную статью А. А. Спицына, Скифо-сарматские курганы крымской степи ИТУАР, 54 (1918), стр. 172—181.

¹⁰ А. А. Спицын, стр. 173, 175, 180. Непонятно, почему автор статьи, констатируя неоднократно сходство вещей, находимых в крымских и боспорских курганах, в то же время замечает в заключение, что «своими культурными центрами народность крымской степи имела, надо думать (подчеркнуто мною.— А. Т.), Феодосию и Херсонес, особенно же первую, как позднее занимавшие то же место татары» (стр. 180). Кроме простого предположения («надо думать») и сомнительной аналогии с крымскими татарами, никаких других аргументов в пользу такого утверждения в статье А. А. Спицына не приводится.

портом боспорских изделий. Влияние Боспора одинаково сказалось и на архитектуре и на живописи Неаполя. Мавзолей Неаполя как по своим формам, так и по ложному ступенчатому своду напоминает погребальные склепы Керченского полуострова¹. Стенная живопись склепов, относящаяся уже к римскому времени, представляет также местную переработку мотивов и приемов стенной живописи, типичной для Боспора². При всем своеобразии и чертах самобытности искусства скифского Неаполя на развитие его все же прежде всего оказал влияние Боспор.

Подводя итоги нашему обзору внешних сношений скифского Неаполя, мы теперь с большею или меньшею определенностью можем установить, что торговый импорт из Греции производился, главным образом, при посредстве Ольвии; предметы же художественного и ювелирного ремесла поступали из Пантикалея. Под несомненным влиянием Боспора складывались стиль и приемы архитектуры и живописи Неаполя. Что же касается Херсонеса, то импорт последнего ограничивался, по крайней мере в эллинистическую эпоху, незначительным ввозом вина. Судя по количеству найденных в Неаполе херсонесских клейм, он занимал даже по ввозу вина одно из последних мест. Херсонесский импорт несколько возрастает лишь в римскую эпоху. Херсонесская или аналогичная ей керамика I—II вв. н. э. встречается в погребениях некрополя на восточном склоне возвышенности, на которой был расположен Неаполь (см. Н. П. Бабенчиков, Новый участок некрополя скифского, ВДИ, 1949, № 1, стр. 113 сл.). В отношении же эллинистического времени можно сомневаться вообще в существовании непосредственных сношений между Херсонесом и Неаполем. Такое отсутствие непосредственных сношений представляется тем более вероятным, что взаимоотношения между скифами и херсонесцами уже с момента первого их соприкосновения, когда в IV в. почти одновременно возникли греческие и скифские опорные пункты на западном берегу Крымского полуострова, сразу же приняли враждебный характер.

Керкинитиды, Калос Лимен и другие «укрепленные пункты» на западном побережье возникли во второй половине IV в.; а уже в самом начале III в. в тексте херсонесской присяги³, как мы видели, сквозит определенная тревога за эти опорные пункты, причем под варварами, угрожавшими внешним владениям Херсонеса, можно разумеать только скифов. «Величайшие опасности», о которых говорится в надписи, посвященной Деве, и от которых избавила херсонесцев Дева (III в.), точно так же, повидимому, могли угрожать Херсонесу только со стороны скифов, так как со стороны тавров можно было ожидать лишь грабительских набегов, но не опасностей, угрожавших самому существованию города⁴. О скифах прежде всего идет речь и в договоре с Фарнаком Понтийским, заключенном в 179 г. до н. э.⁵, поскольку обязательство помощи со стороны Фарнака предусматривается на тот случай, когда «соседние варвары» выступят

¹ КСИИМК, стр. 20; «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 25; «Сов. Крым», 5, стр. 47—48.

² «Бюлл. МИИ», № 2, стр. 27 сл.; «Сов. Крым», 5, стр. 56—61.

³ Время составления херсонесской присяги В. В. Латышев в первоначально определял концом IV — началом III в. (см. «Pontika», стр. 146—147). В комментарии к изданию надписи время присяги определяется более точно (IOSPE, I², стр. 356): *titulum primis decenniis tertii a. Chr. saeculi nequaquam recentioremihi videri*. В последнее время Е. И. Леви («К вопросу о датировке херсонесской присяги», СА, IX, 1947) сделала попытку на основании сопоставления с современными событиями в метрополии Херсонеса Гераклею более точно определить дату событий, вызвавших составление присяги, и устанавливает дату 281/280 гг.

⁴ IOSPE, I², № 343. Относительно восстановления слов *ἐξ ἐμεῖστον κινδύνων* см. В. В. Латышев, К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе, «Сб. в честь проф. В. П. Бузескула», Харьков, 1914, стр. 209.

⁵ IOSPE, I², № 402. Относительно датировки этого документа см. Р. Х. Лепер, Херсонесские надписи, ИАК, 45 (1912), стр. 29 сл.

походом (στρατεύωσις) на Херсонес или на подвластную херсонесцам землю (τὴν κρατούμενην ὑπὸ Χερσονησιτῶν χώραν). С одной стороны, об организованном походе со стороны тавров, по указанным соображениям, не может быть и речи; с другой стороны, упоминание в тексте договора о подвластной херсонесцам земле имеет в виду, конечно, не Гераклейский полуостров, а внешние владения Херсонеса на западном берегу Крыма, почему скифы и могли быть обозначены как «соседние варвары». Между тем опасность со стороны скифов росла: скифы, теснимые в III—II вв. с севера сарматами, усилили в свою очередь давление на Херсонес. В связи с этими обстоятельствами, повидимому, и стоит предание о сарматской царице Амаге, своим нападением на скифов с тылу спасшей Херсонес от их вторжения (Полиэн, VIII, 567).

Опасность со стороны скифов сделалась особенно острой после объединения скифов в мощное государство под властью Скилура и его сына Палака. В это время внешние владения Херсонеса, повидимому, действительно подпадают под власть скифов¹. О власти и пребывании скифов в греческих городах западного побережья Крыма свидетельствуют керкинитидские монеты с изображением скифа и коня². Большое количество местной скифской посуды, обнаруженной в греческих городах, точно так же говорит о более или менее длительном пребывании здесь скифов. Как долго длилось господство скифов, определенно сказать нельзя, но на основании приведенных данных следует думать, что оно не было кратковременным³. В конце II в. до н. э. дело дошло до решительного столкновения, причем херсонесцы вынуждены были обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату Евпатору. По сообщению Страбона, скифы подступили к самому городу (VII, 41, 7). Подвергся опустошению при этом и весь Гераклейский полуостров; многие хозяйственные постройки были разрушены и погибли от огня; многие были покинуты и запустели⁴. В результате двух походов, предпринятых полководцем Митридата Диофантом в глубь скифских степей, скифам нанесено было несколько поражений, взяты греческие города Керкинитиды и Калос Лимен, скифская крепость и опорный пункт Хебеи, захвачена и подверглась опустошению самая столица Скифского царства — Неаполь. Могуцеству скифов нанесен был решительный удар, и они на долгое время оставили Херсонес в покое. Однако, судя по результатам археологического обследования, и греческие города западного побережья не были в это время восстановлены. Повидимому, херсонесцы, не надеясь более их удерживать, уже не возвращались сюда.

Враждебные действия со стороны скифов возобновились в I в. н. э. и имели место и до нападения, повлекшего за собою вмешательство

¹ Диофант не отвоевывает Керкинитиду и «укрепления», как только захваченные скифами, но овладевает ими, как уже принадлежащими скифам.

² П. А. Бурачков, Общий каталог монет греческих колоний на северном берегу Понта Евксинского, Одесса, 1884, табл. XIII; А. В. Орешников, Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М., 1892, стр. 1—14; М. А. Наливкина, ПИДО, 1934, № 9/10, стр. 163—164; СА, VI (1940), стр. 107.

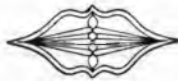
³ В саламинском списке эфевов 119/118 гг. упоминается Аполлодор, сын Аполлония, керкинит (IG, II², 1008; II¹, 469 = Г раков, 6, ВДИ, 1939, № 3, стр. 244); однако самый факт происхождения данного эфеба из Керкинитиды, тем более упоминаемого вдали от родины, не исключает еще сам по себе возможности господства в это время в его городе скифов.

⁴ Н. М. Печенин, ИАК, 42 (1911), стр. 124; И. Н. Бороздин, Раскопки на Гераклейском полуострове..., стр. 21; Н. И. Репников и П. Бабенчиков, Обзор, описание... памятников Гераклейского полуострова (рукопись в архиве ЛОИИМК), стр. 276; В. Лисин, Обзор археологических раскопок в Херсонесе в 1937 г., ВДИ, 1939, № 2, стр. 137—138 и более подробно в отчете Лисина в архиве Херсонесского музея, дело № 481.

Плавтия Сильвана. Тиран, о котором идет речь в одной относящейся, повидимому, ко времени Тиберия надпись и который долгое время держал под угрозой Херсонес и подступал к нему с большим войском (IOSPE, I², № 355), возможно, опирался на поддержку скифов. Другая, также фрагментированная, надпись более определенно говорит о нападении какого-то царя на Херсонес и о произведенном им опустошении всей страны. Речь идет, повидимому, о скифском царе, напавшем на Херсонес вместе с савроматами и другими союзниками (?) (таврами?)¹. Наконец, уже несомненно факт нападения скифов заставил херсонесцев обратиться к римскому легату провинции Месии Плавтию Сильвану. Плавтий Сильван отразил нападение скифов (CIL, XIV, 3608), после чего в Херсонесе и одновременно с этим в Таврике был помещен римский гарнизон (с 63 г. н. э.). Римский гарнизон находился в Херсонесе с конца правления Нерона до времени Домициана и затем с половины II в. (со времени Антонина) до половины III в. н. э.

Пребывание римского гарнизона в Херсонесе совершенно изменило положение дел. Скифы, как и тавры, были теперь окончательно умиротворены. Это обстоятельство, равно как и упадок торгового значения Ольвии, открывало возможность более мирных и регулярных сношений. Сообщение и теперь поддерживалось, повидимому, не прямым путем через горы, но морем или вдоль морского побережья. Об этом свидетельствует установленный исследованиями последних лет факт возрождения Калос Лимена, но уже не как греческого, а как скифского города. Вместо квадратной кладки стен, аналогичной кладке стен Херсонеса, какими ранее обнесен был греческий город, город был обнесен теперь стеной грубой циклопической кладки. Арриан называет Калос Лимен, как и Керкинитиду, скифскими поселениями (PPE, 30). В этом, возродившемся уже в качестве скифского, городе обнаружены в относительно значительном количестве предметы греческого и римского импорта. Как мы видели, херсонесский импорт несколько возрастает и в Неаполе, при сохранении, однако, преобладающего импорта в Неаполь из Пантикапея.

Несмотря на такое оживление торговых сношений, торговая политика самого Херсонеса остается попрежнему пассивной. Не греки проникают в глубь крымских степей, а, напротив, скифы постепенно продвигаются в сторону Херсонеса. Показателем может служить только что названный факт возрождения Керкинитиды и Калос Лимена в качестве скифских городов. Вместе с этим начинается как бы мирное завоевание самого Херсонеса. Все более и более значительное число скифов проникает в Херсонес. Результатом такого проникновения скифов и других варваров является постепенная варваризация населения самого Херсонеса, выражающаяся в характере и типе надгробий, в погребальном инвентаре, в обилии черепков местной скифской посуды и, наконец, в распространении различных синкретических культов и представлений.

¹ IOSPE, I², № 369. Надпись сильно фрагментирована и потому допускает различные толкования. Строки 6—7 читаются: 6[ἐ]πιτετὼν πλάθει στρατ[οῦ. ... 7. ...] ἢ καὶ σαυρομάταν καὶ σ[...]; Р. Х. Лепер, Херсонесские надписи, 5, ИАК, 45 (1912), стр. 51—52 и В. В. Латышев в комментарии к изданию надписи предполагали, что речь идет о боспорском царе Савромате, однако это предположение ни по контексту (предполагаемое имя Савромата стоит между двумя союзами), ни по характеру письма, относящегося к значительно более раннему времени, не может быть принято. Более вероятным представляется восстановление текста: (σχυθῶ) ἢ καὶ σαυρομάταν καὶ σ(ο)μαχων).